

Кредо, сконцентрированное в творчестве

Я хочу рассказать о своем отце — старейшем кинодраматурге, режиссере, писателе, музыканте Григорий Колтунове.

За свою жизнь (1907-1999 гг.) отец создал около 80 произведений: сценарии, пьесы, повести, рассказы, два романа. По его сценариям было поставлено около 40 фильмов, многие из которых нередко и сегодня с удовольствием смотрят телезрители. Это "В дальнем плавании", "Максимка", "Сорок первый", за сценарий к которому отец был отмечен специальной премией жюри Каннского фестиваля. Это "ЧП", после выхода которого на экран все мальчишки скрещивали пальцы, подражая одному из героев фильма — одесситу Райскому (В. Тихонов). Это "Гадюка", "Неотправленное письмо", "Искушение Дон Жуана", "Зеленый фургон" — тот односерийный, черно-белый, с непревзойденным Тарапунькой-Тимошенко в роли милиционера Грищенко. В новый 2001 г. московское телевидение показывало фильм, в котором отец выступил и как сценарист, и как режиссер. Он назывался "Черная чайка". В 60-е годы фильм пользовался большим успехом, но затем был положен на полку из политических соображений.

Но мне хотелось бы рассказать о другой работе отца — о трех лентах, за которые он получил звание заслуженного деятеля искусств Таджикистана (за 20 лет до присвоения аналогичного звания в Украине). Кстати, Колтунов — коренной одессит — был единственным, кому было присуждено звание к 60-й годовщине провозглашения Таджикской Советской Социалистической республики — вот такой парадокс!

Но дело не в присуждении звания за фильмы, и даже не в том, что эта трилогия по "Шах наме" Фирдоуси заняла первое место на кинофестивалях стран Азии в Ташкенте и Баку. Дело в другом. В трилогии нашли отражения взгляды отца, его философия, его понимание жизни и места творца в ней.

Фильмы, вошедшие в трилогию, назывались: "Сказание о Рустаме", "Рустам и Сухраб" и "Сказание о Сиявуше". Сценарии к ним были написаны в стихах-бейтах (так назывались ирано-персидские двустишья, которыми писал Фирдоуси). Почти 70% бейтов — это стихи отца.

Дело в том, что кино требует развернутого сюжета, который сопро-

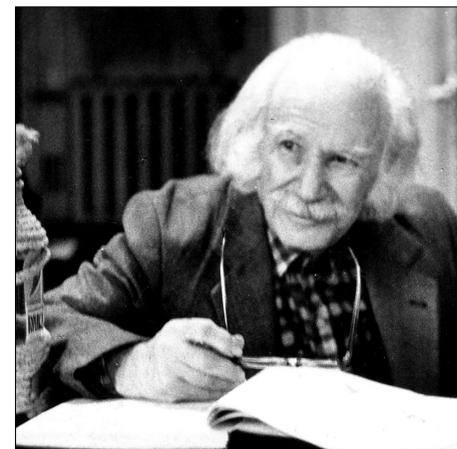
вождается монологами, диалогами, которых нет у Фирдоуси. У великого поэта в одном-двух бейтах мог быть заключен целый эпизод, который в фильме занимал значительное экранное время. Поэтому отцу пришлось много дописывать. По мнению востоковедов, занимающихся творчеством Фирдоуси, бейты отца достойно соседствуют с бейтами самого поэта.

Для меня эти бейты, эти стихи дороги потому, что они стали выразителями философии Григория Колтунова, моего отца. О них и пойдет речь.

Но сначала о том, почему вот уже два десятилетия, как трилогия исчезла с экранов.

С ней так же, как с "Черной чайкой", злую шутку сыграла политика. В случае с "Черной чайкой" роковую роль сыграло снятие напряженности в отношении с Америкой, Показалось неудобным демонстрировать фильм, в котором в злоключениях героев был виноват американский шпион-диверсант, действовавший под личиной циркового артиста, работающего номер Вильгельма Теля. Его здорово играл Сергей Юрский. (Года два назад я на встрече с Сергеем Юрьевичем напомнила ему о картине. Реакция Юрского, который перед этим довольно небрежно отозвался о своей работе в ленте "Место встречи изменить нельзя", была восторженно-ностальгическая: "Это была очень тщательная работа. Так, как Колтунов работал с нами — актерами, сейчас не работают. А как он выстраивал эпизоды, кадры. Интересно, что "Черная чайка" каким-то фатальным образом связала нас — тех, кто снимался в фильме. У нас у всех оказались интересные судьбы, мы до сих пор все знаем друг о друге...")

С трилогией о Рустаме роковую роль сыграл Афганистан. В 1989 г. родители гостили у меня в Ленинграде. В один прекрасный день — телефонный звонок. Снимаю трубку. Слышу: "Вам звонят из канцелярии (или приемной — не помню) Михаила Сергеевича Горбачева. Михаил Сергеевич хочет поговорить с Григорием Яковлевичем Колтуновым". Честно го-

вора, я слегка обалдела. Горбачев звонит к отцу? И откуда он знает, что отец у меня, в Ленинграде? Все объяснилось просто. Отец написал письмо Горбачеву, сетуя, что с экранов снята его трилогия, которая пользовалась успехом у зрителей. Писал он из Ленинграда и обратный адрес поставил мой.

Михаил Сергеевич лестно отозвался о папином творчестве, в частности сказал, что ему и Раисе Максимовне очень нравятся фильмы о Рустаме, но пока идет война в Афганистане, политически неверно было бы показывать фильм, где театр военных действий разворачивается практически в той же стране. Да и те строки, что посвящены осуждению войн, сейчас озвучивать неуместно.

Когда вы прочитаете эти строки, вы поймете, что имел в виду генсек.

Монолог Рустама:

Потомки, здесь пало сто тысяч бойцов,
А значит, здесь пало сто тысяч отцов.
Сто тысяч лежат здесь, и больше в сто крат
Потомков, от них нерожденных, лежат —
Незримые миру ряды! Знает Бог
Один этой битвы печальный итог
И, может быть, тот, кто лежит здесь, — был глуп!
И, может быть, тот, кто лежит здесь, — был туп!
Но в семени том, что здесь умерло в нем,
Таился, быть может, мудрец. Он огнем
Им найденных истин согрел бы весь свет.
И, может быть, раньше на множество лет
Он людям открыл бы все тайны планет
И звезд! Может быть, величайший поэт
Здесь умер, еще не родившись? Певец,
Ни разу не певший, нашел здесь конец?
А может быть, витязь могучий, герой
Врагу на пути поднялся бы горой,
И силой своей сокрушил бы врага,
Драконам любым обломал бы рога,
И в будущий грозный и бедственный час
Он мощью своею отчизну бы спас.
Но факел победы, так нужной для нас,
Зажечься еще не успел... и погас.
И тут, в этой битве ненужной, пустой

Еще не родившийся — умер герой.
Вот сколько несет эта битва нам бед!
Зачем же случилась она? Кто ответ
За это нам даст?

Да, нежелательно было задумываться над тем, кто даст ответ...

А вот еще стихи о войне:

Что есть война? Не взнузданный уздой
Понесший всадника безумный конь!
Что есть война? Палящий зной! Огонь,
Сжигающий садовника и сад!
Что есть война? Поток, не знающий преград,
Несущий к гибели пловца!
Что есть война? Барс, убивающий ловца!

Это уже стихи-предупреждение. Они тоже были ох, как нежелательны для тех, кто развязал войну в Афганистане...

Вот так отец пообщался с правителем. Вообще-то с правителями меньшего масштаба, но, пожалуй, более властными, отцу приходилось встречаться. Чего стоило приглашение к хозяину Азербайджана Багирову! Но это рассказ отдельный.

А сейчас мне хотелось бы показать, что пишет отец о ПОЭТЕ, о его месте в жизни и взаимоотношениях с царем, с властью.

Вот, к примеру, диалог героя Рустама и дьявола Пулада, обернувшегося странствующим поэтом. Оправдываясь перед Рустамом, Пулад говорит о сути творчества:

...Я — Поэт! Каждый раз
Я тем становлюся, о ком мой рассказ!
О диве — я див! О герое — герой!
О Боге — Я Бог! Об осле — пред тобою
Осел!.. Я — комар!.. И, поверь, иногда
Я — камень дремучий! Я — воздух, вода!
Я — сладость и горечь! Я — правда и ложь!
Я — гряда сокровищ! Я — ломаный грош!
Я — все!.. Все, на что бы душой не взглянул!
(испугано) Но лишнее, видно, я что-то сболтнул?
Самой уж природой устроено так,
Что каждый поэт — и умен, и дурак!
Умен — проникая всю сущность вещей,
Дурак — потому что болтает о ней...

В диалогах Рустама с Пуладом отец пытается раскрыть всю противоречивость положения творца, зависящего от сильных мира сего:

Рустам: Сначала скажи мне: ты лживым бывал
Хоть раз?

Поэт, он же Пулад: Я солгу, коль скажу, что не лгал, —
Поэт я, и сказки мое ремесло!..

Рустам: Э, старец, тебя не туда понесло!
Мудрец иль хитришь?! Сказок смысл святой
Бывает правдивее правды самой.

Поэт, он же Пулад (горько):

Ну что ж! Правда — кость, от которой навар
Не густ в казанке у поэта. Пожар —
Правдивое слово. Сгорает поэт
В том пламени сам. Лжи приятной шербет
Не проще ль варить? Сладкий жир льстивых слов
Сам густо ложится поэту на плов!
(*поспешино*) Но я не таков!

Рустам (насмешливо): В самом деле?

Поэт, он же Пулад: Я лгал!
Для пользы чужой, не своей. Я искал
Для Правды полегче путей. Собирал
Я вместе толпу праздных слов. Наряжал
В красивых и льстивых сравнений убор,
Чтоб с этой толпою смешавшись, как ВОР
Проникло к царю слово Правды!

Рустам (задумчиво): Позор
Не твой здесь, поэт...

Сам отец больше всего любил монолог царя (шаха), считал его своей поэтической удачей. Он удивительно читал этот монолог, произнося слова, как плевки ненависти.

ПОЭТЫ! Проклятое племя! Поют
Царям они славу, и тут же плюют
Им в самую душу! Поэты несут
Волненья и смуту! Тревожат сердца
Виденьем строптивой свободы! Венца
Державного тягот не зная, суют
Советы, как править! Отдашь их под суд
За то, что колеблют они царский трон,

Глядишь — уже всеми ты сам осужден!
И будут все помнить, хоть тысячу лет,
Что будто царем был обижен поэт!
А царь — сам обижен! И ныне, как встарь,
Поэты не любят само слово — "ЦАРЬ".
А вот, посади-ка поэта царем,
Он тотчас размахивать станет бичом!
А то и мечом...
По-прежнему кровь будет литься ручьем!
Ведь истину древняя мудрость гласит:
Иль царь убивает, иль сам он убит!

В споры Рустама с Пуладом Григорий Колтунов вкладывал свои раздумья, свое философское осмысление реалий жизни, свое кредо.

В этом отношении интересен еще один спор Рустама с Пуладом. Спор о СМЕХЕ. Многие мысли из этого диспута отец повторил потом в эссе о своем близком друге Аркадии Райкине. Даже название эссе — "Смех — молния разума" взяты из этого отрывка.

Пулад: Что есть *смех*?

А *смех* — это мех! Тот, что шут надевает,
Когда он козу иль осла представляет!
Смех пятки щекочет, владыка хохочет
И *смеха* другого совсем он не хочет.
Что *смех* !.. Бубенцы, многоцветный колпак!
Дурак? Но зато безопаснее так!
И быть дураком — это вовсе не грех,
И вовсе не глупо! Скажи, что есть *смех*?

Рустам: Да, *смех* — то мехи, что огонь раздувают,
Тот самый, в котором бесследно сгорает
Все то, что ничтожно! И все, что надуту
Величием ложным и вечным как будто!
Смешное сумел ты подметить — и в миг,
Ты сущность явления глубже постиг!
Смех — молния разума! — вдруг освещает,
Что глупость во мраке веками скрывает.
И глупость нагая, являя свой стыд,
Под громом грохочущий хохот — бежит!
Смех — банщик и врач! Он совок и метла!
Следит, чтобы жизнь наша чище была.

Пулад: За что ж иногда *смех* ведут на убой?

Рустам: А грязь ведь всегда недовольна метлой.

Но кто благороден, умен, тот из всех

Лекарств предпочтет очистительный *смех*!

Отец был человек принципиальный. В годы советской власти, особенно с конца 30-х по начало 50-х годов, принципиальность граничила с бесстрашием. Впрочем, принципиальность всегда обходилась дорого. Но отец был храбрым и в обычном понимании этого слова. Будучи достаточно старым человеком, где-то лет под 80, он один, вооруженный лишь зонтиком, бросился ночью на бандитов, насилующих и убивающих одну-рукую женщину-калеку за забором нашей дачи, где росли густые кусты, в которые бандиты и затащили несчастную.

А вот чего отец боялся, так это самого СТРАХА.

Он считал, что, если страх овладеет человеком, то человек погиб. Бот как об этом он писал в трилогии:

...Может ночь

Тебе бесконечной покажется? Прочь

Как будто она никогда не уйдет...

И тут уже *страх* в твое сердце войдет!

Не сразу... Сначала во мраке ночном

Он рядом повеет мохнатым крылом

И скользко коснется тебя. А потом

По коже твоей пробежит холодком

И вдруг острым когтем царапнет! Потом

К царاپине свежей прильнет вялым ртом,

Прильнет, присосется, прилипнет... Потом

Царापину сразу расширит в пролом

И с воплем ужасным пойдет напролом!

И в сердце ворвется! И сердце падет!

В коленях забьется... и в землю вползет!

А волосы к небу подымут шелом

От *страха*. И ты, извиваясь ужом,

Умрешь в мерзком прахе под дерзким врагом.

Отрывки из трилогии можно цитировать еще и еще. Они вошли и в роман Григория Колтунова "Кинжал" — это авторизованная биография Фирдоуси, о котором в сущности почти ничего не известно, хотя известно самое главное — он автор Книги Царей — "Шах наме". Но в самой "Шах наме" кое-где в бейтах прорываются автобиографические строки.

"Кинжал" был напечатан в журнале "Радуга" в 1996 г. (№№ 1-4), естественно, в сокращенном журнальном варианте. Издать роман достойным образом в полном виде — пока остается мечтой.

В романе и в кинотрилогии (главным образом в "Сказании о Сиявущем") рассыпаны афоризмы, высказанные отцом в 70-е годы, но когда их читаешь — просто трудно поверить, что они написаны в XX веке, а не взяты из какого-нибудь "Ожерелья голубки". Впрочем, эти афоризмы, как ни печально, приложимы и к нашему времени.

На свете много зла и очень мало

Людей, кого бы это удивляло.

Мысль говорящих слишком далека

От слова, что слетает с языка.

Пришла на смену правде осторожность.

На смену верности — благонадежность.

Не приложу ума, что с миром стало!

Благонадежных тьма, надежных мало!

Я на себе узнал, как это скверно:

Усердные затмили милосердных.

Доверие теперь — пустое слово,

А недоверие — первооснова.

Но кто поможет старикам и вдовам,

Коль слово "старость" стало бранным словом.

В конце я хотела бы рассказать одну давнюю историю, которая дает представление о том, что отец считал самым важным в жизни, своим жизненным кредо.

Мне около пяти лет. Я ненадолго оставлена одна в квартире. Открываю на стук дверь, за ней старуха-нищенка просит копеечку. Мое сердце щемит от жалости. Я вынимаю из кармана папиного пиджака 5 копеек и отдаю их старухе.

Вечером я рыдаю у папы на плече. Он носит меня на руках по комнате и объясняет, в чем моя вина. И на всю жизнь я запоминаю его слова: "Даже ради благородной цели нельзя совершать неблагородные поступки".

Став старше, я начинаю понимать, что кредо имеет только единственное число и может быть у человека только одно. Кредо моего отца, Григория Яковлевича КОЛТУНОВА, — определялось словом БЛАГОРОДСТВО.